

УДК 111.11: 314.122-059.26 + 316.752.4 + 574.34

Л. И. Мосиенко

МАТЬ-ГЕРОИНЯ: МНОГОДЕТНОЕ МАТЕРИНСТВО В КОНТЕКСТЕ ГЕРОИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье обосновывается возможность рассмотрения понятия «мать-героиня» не только в рамках идеологического, но и философского дискурса. Автор считает, что многодетное материнство действительно можно рассматривать как одну из форм героизма. Анализ феномена материнства в контексте существующего в современном российском обществе героического дискурса позволяет по-новому взглянуть на демографическую ситуацию в России, увидеть ценностные основания процесса депопуляции.

К л ю ч е в ы е с л о в а: депопуляция, ценности, материнство, дискурс, героизм.

Понятие «мать-героиня» ушло в прошлое вместе со многими другими идеологическими конструктами советской эпохи, а многодетное материнство уже не характерно для современного общества. Однако демографическая ситуация в России дает повод вновь задуматься над этим понятием и тем, что стояло за ним.

Среди трех основных показателей, из которых складывается демографическая ситуация (рождаемость, смертность и миграция), самым тревожным является показатель рождаемости, суммарный коэффициент которого составляет сейчас 1,7 ребенка (по данным Росстата за 2012–2014 гг.), то есть воспроизводство населения не обеспечивается.

Согласно последней переписи населения (2010) Российская Федерация по численности населения занимает восьмое место в мире. В сравнении с переписью населения 2002 г. население сократилось на 2,3 млн человек. При этом уменьшение численности населения происходило более высокими темпами, чем в предыдущий межпереписной период (в 1989–2002 гг. в среднем население страны ежегодно сокращалось на 0,09 %, в 2002–2010 гг. — уже на 0,2 %). Начиная с 1992 г. страна вступила в фазу открытой депопуляции. За 1992–2010 гг. разница между числом родившихся и умерших в России составила более 13 млн человек. (Убыль населения на 6,4 млн (на 48 %) компенсирована за счет миграционного прироста) [4]. Стабилизация этих показателей в 2012–2014 гг. большинством исследователей

интерпретируется как незначительная для общероссийских масштабов и вызванная временно действующими факторами.

В своем послании Федеральному собранию в декабре 2012 г. президент РФ особо выделил темы семьи и духовно-нравственных ценностей: «В начале XXI в. мы столкнулись с настоящей демографической и ценностной катастрофой, с настоящим демографическим и ценностным кризисом». Также из послания президента следует, что для преодоления демографического кризиса и укрепления государственных основ «нормой в России должна стать семья с тремя детьми» [13]. Однако количество семей, имеющих трех и более детей, сейчас составляет всего лишь 6 % (в Западной Европе 12–15 %), тогда как для простого воспроизводства населения примерно 35 % всех семей должны иметь троих детей, а 23 % — четверых и более [1].

Отечественные философы и социологи все чаще склоняются к тому, что «причиной резкого снижения рождаемости является системный кризис общества» [9, 322]. «Развивающийся в стране демографический кризис выходит за рамки только демографических процессов (рождаемость, смертность, брачность, разводимость, миграция). Научные исследования последних лет во многом направлены на изучение ценностного (аксиологического) фактора повышения рождаемости» [5, 2–3].

На фоне достаточно низкой эффективности мер материального стимулирования рождаемости, предпринимаемых в последние годы государством, следует задуматься над ценностными истоками материнства. Те, кто знаком с аналогичным опытом поощрения рождаемости в западных странах, не ждал чудес от таких мер и в нашей стране. Эти меры, конечно, необходимы, но очевидно, что кардинально проблему они не решат: демографическая проблема уходит своими истоками не только в экономическую, но и в духовную, ценностную сферу. Это исследование — попытка внести свой вклад в понимание данных истоков.

Напомню, что понятие «мать-героиня» появилось в рамках советского идеологического дискурса материнства. Звание было учреждено Указом Президиума Верховного Совета СССР в июле 1944 г. Оно присваивалось матерям, родившим и воспитавшим десять и более детей. С 1991 г. присвоение почетного звания «Мать-героиня» прекратилось. Однако в феврале 2013 г. в Госдуму был внесен законопроект о звании «Мать-героиня Российской Федерации». Почетное звание «Мать-героиня Российской Федерации» предлагается установить как высшую степень социального отличия женщины, родившей и воспитавшей пятерых детей до возраста 8 лет, в том числе усыновленных. В настоящее же время в Российской Федерации существует орден «Родительская слава» (утвержден в 2008 г.). Это возрождение советского ордена «Материнская слава» (7–9 детей), награждаются им оба родителя, и он представляет собой награду высшего уровня.

Не менее очевидно, что современный героический дискурс тоже разительно отличается от господствовавшего в советскую эпоху. Его трансформация отражает те изменения в ценностной сфере жизни общества, которые произошли в нем за последние десятилетия.

Итак, вот те проблемы, которые меня интересуют:

— «мать-героиня» — это только идеологический конструкт или возможно философское рассмотрение многодетного материнства как формы героизма?

— как изменения героического дискурса проявились в трансформации дискурсов материнства?

Думаю, на первый вопрос вполне можно ответить положительно: в полном соответствии с существующими философскими толкованиями героизма. Героизм — форма осуществления любой деятельности, которая социально значима и в которой превзойдена обычная мера человеческой силы и отваги. Превышение этой меры означает, как правило, сознательный риск своей жизнью, вплоть до самопожертвования. В этом плане вполне оправданны и философски, а не только поэтически, определения «героическая» по отношению к ряду профессий, где, несмотря на профессиональную подготовку и наличие специального снаряжения и техники, всегда существует повышенная опасность для жизни: пожарные, полицейские, военные, космонавты.

Многодетное материнство — вполне выдающееся свершение, имеющее позитивное социальное значение и требующее от женщины изрядного мужества (как бы это парадоксально ни звучало), стойкости и готовности к самопожертвованию. Несмотря на то что философы склонны видеть в деторождении (как и в самой женщине) проявление лишь «родовой стихии», очевидно, что рождение детей не вполне стихийное явление: во все времена существовали способы регулирования количества рождений, а особенно теперь (при эффективных мерах контрацепции) деторождение есть «головной процесс», а не чисто телесный. И если один-два ребенка еще могут появиться у женщины «случайно», то очевидно, что многодетность — результат сознательного выбора. Кроме того, при каждом роде женщина рискует своей жизнью и здоровьем.

Также очевидно, что рождение и воспитание детей (даже одного-двух) требует от женщины способности к самопожертвованию. Самопожертвование — это действительно то, что делает человека больше, чем просто человеком, не зря ряд философов (Ю. Китаёма, А. Морис) именно в жертвенности видели главный критерий героизма. Жертва — это форма диалога между людьми и богами (у язычников — буквально, у христиан — словесная жертва: молитва). К тому же история религий знает и самих богов в роли жертвы (Дионис, Христос). Обыкновенный человек следует инстинкту самосохранения: спасает себя, живет для себя — это естественно и просто; герой отдает (приносит в дар) свою жизнь другим (спасает других) — это сложно, это против обыкновенных человеческих инстинктов. Правда, Х. Ортега-и-Гассет считал, что героическое самопожертвование тоже может быть рассмотрено как проявление инстинктивного влечения к самосохранению. Да, кроме инстинкта самосохранения в плане витальном есть проблема самосохранения себя как духовного существа. Кроме того, есть самосохранение не личностное, а родовое: герой в своем деянии всегда утверждает нечто сверхличное, несет в себе некий универсум. Многодетная мать тоже несет в себе и утверждает сверхличное — жизнь человеческого рода.

Собственно, сила героя и имеет своим источником приобщенность к сверхличному. Поэтому образ героя легко переходит в образ жреца, святого, а его подвиг может быть уподоблен жертвоприношению, богослужению. Смыслом подвига является, по-сути, *восстановление сферы сакрального*. Через подвиг сакральное

как бы вновь проникает в профанный мир и удерживает его в состоянии космичности перед лицом грозящего хаоса. Хаос традиционно мыслился началом смерти и зла. Подвиг же социально и метафизически значим именно перед лицом некой опасности, угрожающей существованию мира, т. е. перед лицом смерти. Так что рождение и воспитание детей — это по сути своей вполне героическое деяние. Мифологическое мышление это понимало и обожествляло рождающую женщину. Советский идеологический дискурс материнства сконструировал понятие «мать-героиня» тоже не случайно: идеология — это современное инобытие мифологии, награждение высшим знаком отличия — светский аналог обожествления.

Думаю, можно даже утверждать, что многодетное материнство ближе всех других видов героической деятельности стоит к исходному понятию героического. У древних греков героями были только полубоги и уже потом простые смертные. «Однако это были всегда уже мертвые. Культ мертвых был зерном героической идеи. Понятие “герой” стояло рядом с понятием “почивший”. Лишь впоследствии, вообще говоря, только риторически, оно распространилось и на живущих. <...> Хотя титула героя риторика порой удостаивала и живущих, но в принципе он оставался почетным уделом только мертвых — подобно канонизации святых» [18, 327]. Автор этих строк, Й. Хейзинга, считает, что такая трансформация лишила понятие «героизм» его глубинного смысла. Однако с ним можно поспорить, если рассматривать смерть не как нечто отдельное от жизни, а как ее сторону; не как точечный, а как длительный процесс свершения жизни, ее завершения, оформления: родители как бы «умирают» в каждом своем ребенке. Мышлению древнего человека вполне свойственно такое понимание единства жизни и смерти, поэтому распространение понятия «герой» и на живых людей если и изменило смысл понятия, то не столь разительно, как кажется Й. Хейзинге.

Однако не тогда — в Древней Элладе, а сейчас — в современном мире — понятие героического действительно претерпело значительные изменения.

Итак, несмотря на то, что в известном перечне форм героизма Т. Карлейля (герой как божество, пророк, поэт, пастырь, писатель и вождь) [8] материнство не указано, я все же констатирую возможность не только идеологического, но и философского понимания многодетного материнства как разновидности героизма и перехожу ко второй заявленной проблеме. Что сейчас происходит с героическим, а значит — в его рамках — и с материнско-героическим?

Если обратиться к СМИ, то можно констатировать: о героическом пишут в основном в прошедшем времени — феномен ушел в прошлое. Публицисты, писатели и историки сходятся в одном: если в советскую эпоху героев нередко попросту конструировали, кризис героического в современной российской культуре — показатель того, что с ней что-то не так. Действительно, можно согласиться с Т. Карлейлем, что «уважение к героям, в различные эпохи проявляющееся различным способом, является душой общественных отношений между людьми и что способ выражения этого уважения служит истинным масштабом для оценки степени нормальности или ненормальности господствующих в мире отношений» [Там же, 329]. Героический подвиг, как я уже писала выше, это не только акт самовыявления, но и утверждение некоего универсума, т. е. единства мира, вскрытие

основы существования всех нас. Если в обществе героическому не стало места либо оно стало предметом иронического отношения, то вывод напрашивается один: общество переживает кризис своей идентичности, у этого общества нет единства в понимании высших ценностей, целей и задач.

Те, кто обеспокоен «закатом» героического, склонны возлагать вину на кого-то. Например, ругают СМИ (не интересуются героическим, а только скандалами, хотя примеры героического — даже в советском смысле этого слова — можно найти в сегодняшней жизни) либо современную российскую художественную литературу (нет героев, а только персонажи), политиков, стоящих у власти (нет госзаказа на положительный образ), а также и политиков, не стоящих у власти (оппозиция никак не может выдвинуть из своих рядов более-менее героическую личность). Некоторые причиной всех наших бед считают Запад — экспортера чуждых ценностей и образов.

Однако мне, как философу, очевидно, что кризис героического имеет глубинные *объективные* причины, восходящие не только к тенденциям развития нашего общества, но и к тенденциям общемирового масштаба, в результате которых изменилась культура, изменились человек, его отношение к миру и к самому себе. Героическое, герой — это образы *иной реальности, чем та, в которой живет современный человек*. «Проблема героического — это не только и не столько идеологическая проблема, но еще и мировоззренческая, экзистенциально-личностная. Она тесно связана с главной особенностью человеческой экзистенции — ее незавершенностью (имеющей онтологическое основание в смертности человека) и возможностью трансценденции» [12, 64].

В чем выражается «закат» героического в современной российской культуре? Вот результаты интернет-опроса «Героические идеалы в современной России» [6]: «на сегодняшний день в обществе присутствует ироничное, негативное отношение к героизму, но при этом не отрицается значимость и важность этого явления». Правда, само понятие «героизм» изрядно размыто: «Такие качества героя, как самопожертвование, мужество, инициативность, неординарность, стремление к великим целям, например, достижение справедливости, альтруизм, лидерство, не являются сегодня основными в его определении, они выступают в качестве второстепенных качеств». Особенно активно отвергается самопожертвование: «...смерть героя... проявление слабости, а не высшая точка героических усилий, которая служит доказательством того, что он отдал все, что у него было, и даже жизнь».

Философы и культурологи делают аналогичные выводы: образ героя в современном массовом сознании все больше трансформируется в образ супермена или даже просто кумира [10, 11, 16]. Супермен не совсем человек, в массовой культуре он либо биологический мутант (Бэт-Мэн, Человек-паук), либо киборг (Робокоп). За счет этого у него есть сверхспособности. Поэтому он достаточно далеко стоит от того обрыва, что называется самопожертвованием.

Самопожертвованию фактически нет места в современной культуре:

— есть тема *пожертвования*: не жизнью, конечно, а только деньгами, — фактически все кумиры и просто известные люди заняты благотворительностью

(природа этого явления с философской точки зрения тоже очень интересна, но, к сожалению, в рамках статьи нет возможности ее обсудить);

— есть еще и тема просто *жертвы*. Пожарный или полицейский, погибший при исполнении служебного долга, вполне мог бы быть проинтерпретирован как герой в классическом смысле этого слова, но современные СМИ обычно подают новости так, что эти люди предстают *не героями, а жертвами*, только жертвами — чужой халатности, несчастного случая, стечения обстоятельств (примеры этого плана — в [17]).

На мой взгляд, это свидетельствует о том, что в современном мире человеку вообще очень сложно быть субъектом социальной деятельности, а не винтиком в большой социальной машине. Есть просто обезличенное существование и есть — в случае какой-то поломки этой машины — хаос и абсурдность мира, где действует нелепая случайность. Субъектность сохраняют за собой только супермены и кумиры.

Теперь посмотрим на то, что происходит с материнством.

Ведущая тема многодетного родительства в СМИ — это тема недостатка многодетной семьи в материальных ресурсах и равнодушного отношения к нуждам этих семей со стороны местных властей. Фактически многодетные родители тоже предстают в образе *жертв*! Это особенно удивительно на фоне правительственной риторики и государственной озабоченности проблемой депопуляции: почему бы не создавать образ счастливой многодетной семьи и не превозносить героичность многодетных родителей? Однако «героями» в нашем случае выступают само правительство или те же журналисты, которые берут на себя функции спасителей и защитников многодетных родителей перед лицом угрожающих им материальных проблем. Действительно, при ближайшем рассмотрении, в рамках современного идеологического дискурса, героем без кавычек является только само государство, сражающееся с драконом-депопуляцией и спасающее общество от того хаоса, что влачит за собой его хвост: т. е. от массы этнических, экономических и конфессиональных проблем в качестве последствий депопуляции. Многодетная мать всего лишь неразумная и несчастная дочь этого героя.

Образ счастливой многодетной семьи можно обнаружить, пожалуй, только в религиозном дискурсе материнства. Однако он не пользуется большой популярностью в обществе.

Кроме идеологического (патриотического, как его иногда называют) и религиозного дискурсов материнства в современном российском обществе исследователи выделяют еще один дискурс — «гламурный»: «капиталистический дискурс декоративной женщины, мудро выполняющей заветы природы и производящей младенцев, прекрасных, как продукция Chanel» [14]. Однако многодетность такой женщине свойственна лишь в случае ее финансовой состоятельности.

Многодетность является позитивной ценностью только в идеологическом и религиозном дискурсах. Современное российское государство продвигает идеологический и всячески поддерживает религиозный дискурсы материнства. Однако не менее очевидно и иное: несмотря на достаточную лояльность большинства российских граждан к демографической политике государства, ни первый,

ни второй дискурс не пользуются поддержкой в массовом сознании, не являются доминирующими. Многодетность в современном массовом сознании приравнивается к «отклоняющему поведению» (см. социологическое исследование [5], а также сайт многодетных родителей [15]) и *осуждается* сродни тому, как когда-то осуждалась половая распущенность: люди себя не контролируют, а надо!

Почему многодетность вызывает отторжение массового сознания? Это тема для отдельного всестороннего исследования. В рамках же размышления о героическом можно констатировать: осуждение всегда есть проявление страха перед хаосом, который явно или неявно несет в себе осуждаемое явление. Придется сделать вывод, что современный массовый человек усматривает в многодетности некую *угрозу*. Значит, многодетный родитель ни в коем случае не может быть героем: он не защищает общество от хаоса, он сам — провокатор хаоса.

В чем заключается эта угроза? Рискну предположить, что современный массовый человек боится... самой жизни: именно она олицетворяет хаос, неподвластный упорядочиванию, организации и осмыслению. Если использовать терминологию Э. Фромма, то можно сказать и так: в современном массовом человеке, опасющемся многодетности, гораздо больше некрофила, чем биофила. Дети, как олицетворение буйства и цветения жизни, ее полноты и непредсказуемости, так плохо вписываются в рутинный порядок современного города, в образ жизни современного офисного служащего, в прагматизм его мышления и в рациональность культуры как таковой. *Полноты жизни современный человек боится гораздо больше, чем смерти*. Это и не удивительно: если следовать мысли Ж. Бодрийяра [3], то он уже давно... мертв. В современной культуре вот уже лет триста предпринимается попытка заменить органическое понимание смерти механическим (смерть — поломка механизма) и *отделить* жизнь от смерти. Можно согласиться с Бодрийяром, что такое усилие чревато тем, что смерть, став незаметной, стала присутствовать во всем.

Изменилось отношение к смерти — изменился и смысл деторождения. Точнее — они оба потеряли смысл. Смысл чего-либо возможен только в рамках диалога. Если развить мысли Бодрийяра о символическом обмене, то можно сказать так: на протяжении большей части истории человечества смыслом деторождения был *диалог с предками*, с умершими (кстати, детей ведь нередко называют именами родителей или бабушек-дедушек). Для родового, телесного человека такой диалог был естественным, более того, он был основой его жизни, способом самоутверждения. Дарение новой жизни миру — это своего рода «возвращение долга» предкам, которые когда-то подарили жизнь тебе.

Однако диалог с мертвыми не характерен для современного мира: на место символического обмена в капиталистическом мире пришел экономический обмен. На место жертвоприношения, которое всегда было формой диалога с Богами, пришла благотворительность, которая есть всего лишь диалог с людьми. Рождающий раздаривал себя, жертвовал собой, уваживал собой новую жизнь. Он умирал (символически) в каждом новом ребенке. Это было естественно и необходимо в рамках того мировоззрения, где смерть была не чем-то отдельным от жизни, а одной из сторон ее процесса.

Современный человек не желает умирать в своем ребенке. Он не хочет или не умеет дарить себя предкам. Для него глупо вступать в диалог с мертвыми, тем более символически: у него не символическое, а предметное мышление. Атомизированный индивид капиталистической эры не хочет вмещать в себя не только универсум, но и род. Бодрийяр бы сказал, что он уже мертв, а мертвые не рожают, добавлю я. Жизнь лежит на путях коммуникации с миром — на путях принятия дара и отдаривания, на путях символического обмена. Выпавшие из этого обмена, как любые замкнутые системы, вырождаются. Мы имеем депопуляцию; неудивительно, что она, как считают некоторые исследователи, к концу столетия может оказаться проблемой всего мира [1, 2].

Атомизированный индивид не умеет отдавать не беднея, он готов только к эквивалентному обмену, но не к дару, к благотворительности, но не к самопожертвованию. Дети в современном мире — это своего рода благотворительность. Как и благотворительность, это удел богатых. Поэтому так много говорится об экономических стимулах рождаемости: буду богатым — займусь благотворительностью, т. е. рожу ребенка, может даже двух.

Мы видим аналогичность трансформаций, происходящих как с образом героя, так и с образом матери. Это сходство становится очевидным, если приглядеться к тому, какое материнство сейчас наиболее «популярно»? В рамках условно обозначенного «гламурного» дискурса материнства все большую силу приобретает одна из его разновидностей, которую в литературе уже окрестили феноменом «интенсивного материнства». К сожалению, по данному явлению нет серьезных научных исследований. Однако очертания его уже видны. Общество с легкостью простит женщине бездетность, но не простит, если ее единственный ребенок не воспитан, не обеспечен, не образован и не «упакован». Значение сего явления для общества оценивается неоднозначно: есть исследователи [7], которые именно в интенсивном материнстве видят причины небольшого всплеска рождаемости. Однако они же противоречат сами себе, говоря о том, что установленные в обществе стандарты материнства не только не способствуют многодетности, но и препятствуют материнству как таковому: даже один ребенок требует такого интенсивного вложения со стороны матери, которое трудносовместимо с ее профессиональной деятельностью во внешнем мире.

Однако, независимо от того, уйдет ли женщина с работы, чтоб «вплотную заняться ребенком», как этого требуют стандарты интенсивного материнства, или все же она изыщет возможности совмещать то и другое (думаю, и дальше будет превалировать все же второй вариант), абсолютно ясно одно: «интенсивное материнство» не предполагает многодетности.

Рассматривая материнство сквозь призму героического дискурса, можно сказать, что появление интенсивного материнства вполне симптоматическое явление. На смену героям пришли супермены. На смену матери-героине — интенсивная мама, которая является, по-сути, аналогом образа супермена в рамках материнского дискурса: «супервумен». Она может все и успевает все, она осуществляет порядок и руководство, она держит все под контролем.

Итак, взглянув на материнство сквозь призму героического дискурса, мы поняли:

1. В феномене материнства гораздо больше героического, чем может показаться на первый взгляд: оба феномена имеют одну метафизику смерти, оба феномена уходят своими корнями в культуру «символического обмена», оба утверждают родового человека. Поэтому многодетное материнство можно считать проявлением героического не только в рамках идеологического, но и философского дискурса.

2. Кризис образа матери-героини есть проявление кризиса в современной культуре героического как такового. Несмотря на усилия идеологического дискурса материнства, мы видим ироническое и даже враждебное отношение к многодетному материнству в массовом сознании. Аналогичное отношение наблюдается и к образу классического героя, особенно к его сущностной черте — самопожертвованию. Обоих — героя и многодетную мать — массовое сознание склонно обвинить в недостатке рационализма, чрезмерности их усилий и наивности их жизненных установок. Во всем этом массовое сознание подозревает начало хаотическое и потому опасается. Причины данного негативного настроения — в изменившемся отношении человека к своей смертности.

3. Анализ экзистенциальных и социокультурных сдвигов, лежащих в основе кризиса ценностей героизма, выводит нас к необходимости констатировать неуместность образа героя (и матери-героини соответственно) в рамках господствующей картины мира, основ современной культуры и экзистенциального мира современного человека. Более того, эти трансформации находятся в русле ведущих тенденций развития новоевропейской культуры и техногенной цивилизации. На смену родовому человеку пришел атомизированный индивид.

Это значит, что даже самые оптимальные экономические и социальные программы самого мудрого правительства не спасут нас от депопуляции: культура, где герои и многодетные матери были востребованы и духовно, и социально, ушла в прошлое. Ситуация безнадежна.

4. Однако образ героя и матери не исчез совсем, но качественно трансформировался, причем аналогично: в образе интенсивного материнства фактически воспроизводятся черты супермена.

Итак, мы видим одновременный кризис и аналогичные трансформации ценностей героизма и ценностей материнства, что говорит о том, что проблема депопуляции не только зависит от экономической и социальной политики правительства, но и уходит своими корнями в цивилизационные сдвиги, которые происходят со всем миром и с нашим обществом тоже.

1. Антонов А. И. Многодетная семья в эру депопуляции (результаты всероссийского исследования многодетных матерей): сайт demographia.net. URL: <http://demographia.net/mnogodetnaya-semya-v-eru-depopulyacii-rezultaty-vserossiyskogo-issledovaniya-mnogodetnyh-materey> (дата обращения: 30.08.2014).

2. Белобородов И. И. Чем опасна ложная демография? // Чем опасна ложная демография? [М., 2014]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=d2UndjPfPAM> (дата обращения: 30.08.2014).

3. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2006.
4. Всероссийская перепись населения 2010 года [М., 2010]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perepis-2010.ru/news/detail.php?ID=7741> (дата обращения: 30.08.2014).
5. *Грудина Т. Н.* Ценностные ориентации многодетной семьи в России : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2014.
6. *Дорохова О. А.* Героические идеалы в современной России (по результатам проведенных интернет-дискуссий, сент.–нояб. 2006 г) : сайт «Экологическая этика: информационная сеть». [М., 2006]. URL: <http://www.econet.mrsu.ru/id26/post/19> (дата обращения: 11.08.2014).
7. *Исупова О. Г.* ТыЖеМать: неизбежный героизм и неизбежная вина материнства : сайт «Семья растет» [М., 2014]. URL: <http://www.semya-rastet.ru/gazd/4798/> (дата обращения: 30.08.2014).
8. *Карлейль Т.* Герои, почитание героев и героическое в истории // Карлейль Т. Теперь и прежде. М., 1994.
9. *Клутт М. А.* Демография регионов Земли. СПб., 2008.
10. *Кривошекова Г. А.* Герои и героизм в культурно-историческом бытии народов Европы и России : дис. ... канд. филос. наук. Тюмень, 2003.
11. *Лукьянова Р. А.* Философия истинности героизма : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2012.
12. *Мосиенко Л. И.* Закат героического как социокультурная и экзистенциальная проблема // Национальные приоритеты России : науч. журн. Омск, 2010. № 1(3). С. 60–76.
13. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию 12 декабря 2012 года : новостной сайт «Президент России» [М., 2012]. URL: <http://kremlin.ru/news/17118> (дата обращения: 30.08.2014).
14. *Рахманинова Д. М.* Материнство как идеология: тенденции, проблемы, перспективы : сайт «РУниверс» [М., 2014]. URL: <http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/461048/> (дата обращения: 21.08.2014).
15. Семья растет : сайт «Семья растет: про семью и для семьи». URL: <http://www.semya-rastet.ru/> (дата обращения: 20.08.2014).
16. *Серединская Л. А.* Социальная онтология героизма : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Улан-Удэ, 2012.
17. *Ухов Е.* Герой нашего времени : сайт общественно-политической газеты «Республика Татарстан». Вып. № 60–61 от 25.03.2008. URL: <http://www.rt-online.ru/articles/rubric-72/75482/> (дата обращения: 30.08.2014).
18. *Хейзинга Й.* В тени завтрашнего дня // Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 241–367.

Рукопись поступила в редакцию 14 августа 2015 г.